

ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ В ГРУППОВОМ РЕШЕНИИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИКРОСОЦИОЛОГИИ

РОЗОВ Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, и.о. заведующего кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (nrozov@gmail.com).

Аннотация. Концепция интерактивных ритуалов (традиция Э. Дюркгейма, В. Уорнера, Э. Гофмана и Р. Коллинза) может быть обогащена благодаря включению в нее понятий конфликтного взаимодействия, габитусов и установок, оперантного обусловливания. В статье с помощью этого концептуального аппарата интерпретируются фазы эпизода в Петрограде летом 1917 г. В мемуарах П.А. Половцев (2016 [1927]) рассказывает, как, он – главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, пытался выполнить приказ А.Ф. Керенского: получить пулеметы для отправки на фронт, для чего нужно было добиться согласия Пулеметного полка, не подчинившегося Временному правительству, а находившегося под влиянием Петросовета. Эпизод интересен тем, что Половцев в своих попытках убедить солдат и добиться нужного результата вначале выигрывает, потом проигрывает, но в итоге берет реванш. То есть векторы групповой динамики меняются на противоположные. Цель интерпретации состоит в том, чтобы через апробацию понятийного аппарата, через общее объяснение хода и результатов каждой фазы эпизода выявить возможности и пределы объяснительных гипотез.

Ключевые слова: микросоциология • интерактивные ритуалы • установки • ценности • идентичности • социальные отношения • поведенческие стереотипы • групповое решение • оперантное обусловливание • победа в конфликте

DOI: 10.7868/S013216251801004X

Проблема и подход к её решению. Ритуальная природа конфликтного взаимодействия. Кто, почему и при каких условиях побеждает в ситуациях столкновения интересов и принятия групповых решений? Для ответа на этот вопрос требуются, прежде всего, теоретическая схема, описывающая динамику групповых процессов в ситуациях ультрамикросоциальной (здесь-и-сейчас), и формулировка закономерностей.

Теория интерактивных ритуалов (традиция Э. Дюркгейма, В. Уорнера, Э. Гофмана), полно и конструктивно представленная Р. Коллинзом [Коллинз, 2002, гл. 1; Collins, 2004], претендует на объяснение столкновений (встреч, взаимодействий) людей в ситуациях здесь-и-сейчас, в которых имеет место хоть какой-то социальный порядок. Ядро схемы таково: два или более индивидов находятся в одном физическом пространстве, воспринимают реакции друг друга и при определенных условиях (общий фокус внимания, синхронизация поведения и психофизиологических процессов) начинают испытывать общую эмоцию, обретают общую субъективную реальность, на основе чего у них меняются (порождаются, укрепляются, разрушаются) социальные установки (от солидарности до ненависти) и приверженность к неким сакральным объектам (святыням, символам, ценностям).

Обогатим эту схему концептом *габитуса* (П. Бурдьё), переосмысленным как комплекс пяти типов установок. Габитус включает: 1) когнитивные установки – фреймы, картины мира, на основе которых строятся образы ситуации, понимание происходящего;

2) *социальные установки* – интериоризированные отношения между людьми, обуславливающие нормы взаимодействия, обязательства, ожидания и т.п.; 3) *ценностно-мотивационные установки* – приверженность святыням и ценностям, стремление удовлетворять интересы и потребности, сохранять или увеличивать комфорт того или иного типа; 4) *экзистенциальные установки* – идентичности, внутренние ответы на вопрос “кто я такой?”, связанные с нормативными образцами восприятия мира и поведения в нем; 5) *поведенческие установки* – стереотипы реакций, действий, практик, стратегий [Розов, 2011, гл. 3]. В успешном полноценном ритуале могут укрепляться или разрушаться, актуализироваться или деактуализироваться (становиться латентными) установки этих типов. Радикальная смена установок называется *рефреймингом*.

На следующем этапе расширения схемы добавляем принципы оперантного обуславливания (Б. Скиннер, Дж. Хоманс, П. Блау): установки актуализируются, становятся доминирующими при *положительном подкреплении*, и деактуализируются, подрываются, разрушаются при *отрицательном подкреплении*. “Знак” подкрепления определяется через субъективное соотнесение результатов действия согласно той или иной установке с эффектом для *комфорта жизнеобеспечения, социального комфорта* (безопасность, достоинство, благосостояние, уровни свободы, власти, доступа к ресурсам) и *духовного комфорта* (чувства причастности к сакральным объектам – святыням и ценностям).

Конфликтное взаимодействие в ситуации здесь-и-сейчас (далее – *конфликт*) представляет собой попытку двух или более сторон (индивидов, сплоченных групп с лидерами) навязать остальным участникам свой ритуал, а значит, навязать им соответствующие линии поведения и установки: поменять образ ситуации, схемы восприятия окружения, в пределе – картину мира; сменить приверженность одним символам на другие; подорвать одну идентичность и навязать другую; в социальных отношениях сменить солидарность и лояльность на ненависть, презрение или наоборот; убедить в опасности, безнадежности одной линии поведения и в безопасности, привлекательности другой.

Особым типом конфликтов являются ситуации *группового решения*, когда две или более стороны пытаются провести свою линию, убедить участников в своей правоте и неправоте позиций и предложений противников (их ошибочности, порочности, опасности).

Известными эффектами групповых обсуждений и решений являются: конформизм значительной части пассивных участников, склонность перекладывать ответственность на лидеров, поляризация позиций, динамика возбуждения с неизбежным истощением энергии, давление большинства на меньшинство, социальный контроль норм, осуществляемый, прежде всего, “блюстителями группового духа” [Asch, 1952; Janis, 1972]. Эти свойства следует принимать во внимание, но их знание не помогает объяснять причины победы той или иной позиции. Поможет ли обогащенная теория интерактивных ритуалов?

Гипотетические закономерности ситуативного доминирования. Доминирует та сторона в групповом обсуждении, чья позиция принимается большинством и/или наиболее влиятельной референтной группой. Сформулируем гипотезы.

Принцип выбора альтернатив. При прочих равных субъект (индивид или группа) выбирает из двух и более альтернатив поведенческую стратегию, которая соответствует:

- *идентичности субъекта, его приверженности символам, его наиболее сильным актуальным интересам защиты или увеличения уровня комфорта, тип которого обычно связан с преобладающим в обсуждении общим фокусом внимания;*

- *организационным и моральным обязательствам субъекта в составе социальных установок, обретенных в недавних наиболее эмоционально внушительных ритуальных действиях;*

- *положительному подкреплению прошлых подобных действий в подобных ситуациях или противоположна таким действиям при отрицательном подкреплении.*

Принцип импрессивности (ритуальной внушительности) установок. В конфликтных столкновениях участники склонны принимать установки, которые актуализируются через

близость к общему центру внимания и эмоционального воодушевления, который обычно задается доминирующим в ритуале престижным, харизматическим лидером, а также участниками, с которыми ранее достигнут высокий уровень солидарности; ассоциируются с прошлым значимым успехом, выигрышем, победой, либо воспринимаются как противоположные причинам прошлых досадных, фрустрирующих провалов, проигрышей, поражений.

Принцип ритуального доминирования. Среди нескольких конкурирующих в ритуале лидеров эмоционально и интеллектуально господствовать, получать наибольшую поддержку будет тот, кто:

- получил позицию *монопольного управления порядком обсуждения* (составом участников, предоставлением слова и регламентом, способом принятия решения) и беспрепятственно использует эти преимущества в свою пользу;
- через порядок и организацию обсуждения устанавливает такой *фокус общего внимания*, который актуализирует установки участников и их интересы сохранения, увеличения комфорта, ведущие к выгодному для этого лидера решению;
- сам *ассоциируется с победой* над внешним противником;
- наиболее убедительно *обещает защиту от угроз и защиту интересов*, представляя как сильный, решительный лидер, богатый властными, организационными и/или иными актуальными в сложившейся ситуации ресурсами (силовыми, финансовыми, символическими);
- представляет такую картину реальности и такой план действий, которые либо соответствуют ранее сложившимся убеждениям, либо настолько убедительны и привлекательны (благодаря опоре на более глубокие установки), что производят рефрейминг – смену всех установок в пользу такого лидера.

Фабула конфликта: Отдавать ли пулеметы? В конце июня 1917 г. военный и морской министр А.Ф. Керенский приказывает главнокомандующему Войсками Петроградского Военного Округа П.А. Половцеву отправить на фронт 300 пулеметов. Для этого требуется согласие Пулеметного полка. Половцев вначале собирает отдельные роты и с успехом убеждает отдать пулеметы, потом поддается на предложение собрать весь полк, где обсуждение берет в свои руки большевистский лидер, добивающийся отрицательного решения. Половцев не соглашается с ним, проводит повторно обсуждения с ротами и получает согласие от них на отгрузку пулеметов для фронта.

Поставим два вопроса: а) чем обусловлена победа Половцева в отдельных ротях, б) почему он проиграл, а успеха добился большевистский лидер на общем обсуждении?

Наша задача не состоит в проверке достоверности рассказа самого Половцева, для чего требуются альтернативные отчеты о данной ситуации (которые, по-видимому, не существуют), а также архивные записи относительно факта отгрузки тех самых пулеметов (такие документы могут сохраниться, но вряд ли способны существенно изменить представление о случившемся).

Рассказ Половцева вызывает доверие, во-первых, честным признанием своего поражения на промежуточном этапе, во-вторых, тем, что утверждая свою финальную победу в мемуарах, изданных в Париже в 1927 г., Половцев рисковал авторитетом, если бы лгал. В то время при множестве живых свидетелей лживое бахвальство легко могло быть опровергнуто. Тем более что в белоэмигрантской среде, склонившейся к монархизму, Половцев, как бывший функционер революционного Временного правительства, был фигурой одиозной, многие желали бы его дискредитировать, разоблачив ложь в этих мемуарах.

Далее курсивом приводим сам рассказ Половцева, разбитый на части, интерпретируемым происходившее в терминах обогащенной теории интерактивных ритуалов, используя известные исторические сведения о настроениях солдат и рабочих в Петрограде 1917 г. [Никитин, 1937; Рабинович, 1994; Аксенов, 2002; Булдаков, 2010; Колоницкий, 2010], проводим эскизную реконструкцию типового габитуса петроградских революционных солдат и сопоставляем объяснение событий с сформулированными выше гипотезами.

Приказ Керенского и его обсуждение в ротах. *“Другой заказ Керенского тоже был связан с крупными осложнениями. Он присылает мне приказание отправить из петроградских запасов 300 пулеметов, “жизненно необходимых для фронта”. Из 2-го пулеметного полка их не выудить, но в 1-м полку, кроме пулеметов, находящихся в Петрограде, есть несколько сотен на складе в Ораниенбауме. Однако же, по словам командира полка, караул ни за что их не выпустит без постановления полкового комитета, а комитет 1-го пулеметного полка – чрезвычайно гнусное учреждение.*

Решаюсь пуститься на фокус. Еду на Выборгскую, в 1-й пулеметный полк и по совету командира, вхожу в помещение наиболее благонадежной 2-й роты, собираю людей, читаю телеграмму Керенского, говорю несколько слов о тяжелом положении на фронте и с улыбкой заканчиваю уверением, что остающихся у них в Петрограде семисот с лишним пулеметов вполне достаточно для защиты революции. Рота постановляет беспрекословно пулеметы отправить. Перехожу к следующей, где, конечно, добавляю заявление о состоявшемся благоразумном постановлении 2-й роты. Здесь вопрос тоже проходит благополучно...” [Половцев, 2016: 103–104].

Ситуации конфликта пока нет. Половцев занимает одновременно позиции организатора обсуждения и единственного докладчика. Начинает с “благонадежных” рот: это зачастую следует трактовать как наличие и соотношение у солдат следующих установок: фрейм “мы – Россия и российская армия – воюем с Германией” сильнее, чем фрейм “мы – угнетенный класс – воюем с буржуазией”; воинские, патриотические ценности победы в войне важнее, чем революционные идеи; лояльность к армейским командирам сильнее приверженности революции; идентичность солдат, воинов сильнее, чем классовая идентичность угнетаемых крестьян или рабочих; стереотипы воинской дисциплины, подчинения армейским авторитетам сильнее, чем установки на протест и бунт.

Половцев вполне рационально использует эффекты конформизма, присоединения к преобладающей позиции, когда в следующей роте ссылается на “благоразумное постановление” другой роты в предыдущем обсуждении.

В пользу Половцева здесь работали все закономерности.

Согласно *принципу выбора альтернатив* Половцев выигрывал, пользуясь своей монополией в установлении фокуса внимания, делая ставку на воинскую солидарность, ответственность слушателей (“несколько слов о тяжелом положении на фронте”), не забывая потрафить их интересам безопасности, революционной лояльности (“семисот с лишним пулеметов вполне достаточно для защиты революции”).

Импрессивность установок и ритуальное доминирование были достигнуты монополией лидерства, отсутствием конфликтующей стороны, высоким рангом говорящего (главнокомандующий столичными войсками, что предполагает доступ к административным и силовым ресурсам), который не побрезговал прийти и говорить с солдатами каждой роты. Вероятно, впечатление на солдат также произвели проявившиеся на войне и известные в армии достоинства Половцева как военачальника, соответствие представленного в его речи образа происходящего (трудное положение на фронте, возможность победы при поддержке оружием) когнитивным и ценностным установкам солдат “самых благонадежных” рот.

Начало общего полкового обсуждения в театральном бараке. *“... но в третьей казарме я, к сожалению, попадаю на удочку лукавого большевика в овечьей шкуре, доказывающего, что обойти все роты займет чуть ли не целый день, что по виденным двум ротам я могу судить о благочестивом настроении всего полка и что, если собрать все остальные роты в полковом театральном бараке, то вопрос благополучно разрешится в 5 минут. Командир полка легкомысленно присоединяется к этому мнению, и я совершаю непротестильную ошибку, согласившись с их доводами.*

Полк быстро собирается в театре. Я вхожу на эстраду и повторяю сказанное в ротах, но чувствую, что атмосфера не та. После меня сейчас же высказывают два большевика. Первый из них, после обычного негодования на войну, затеянную капиталистами, которую мы только бесполезно удлиним, посплав пулеметы на фронт, прибегает к очень

ловкому ораторскому приему: “Все равно, мол, согласитесь вы или нет, а пулеметы у вас отнимут”. – Ясно, что после этого публика на стенку полезет. Второй большевик заявляет, что в этом помещении обсудить вопрос нельзя, так как не хватает всем места. С этим доводом нельзя не согласиться, ибо и половина наличного состава не может втиснуться в театр. Чувствую, что меня подловили” [там же, с. 104].

Здесь перед нами пример успешной конфликтной стратегии, включающей множество компонентов: кардинальное расширение состава участников, прекращение монополии на слово как способ установления центра внимания, использование подготовленных ораторов и ловких приемов, упорное перемещение внимания с темы воинской солидарности в войне с Германией на классовую солидарность в борьбе против капиталистов, на неприятие войны, “затеянной капиталистами”. Выигрыша еще нет, но некий “лукавый большевик в овечьей шкуре” уже подготовил важнейшие ингредиенты обсуждения как интерактивного ритуала.

Продолжение общего обсуждения во дворе. “Митинг переносится на двор, где трибуной служит двуколка. После неудачных ораторских усилий Кузьмина выступает ряд большевистских говорунов, в том числе профессиональные златоусты из числа рабочих, прибежавших на митинг с соседних заводов. Хорошо зазубренные трафаретные речи льются безостановочно. Большинство солдат, которым знакома картина митинга давно надоела, разбредаются по казармам, но выдрессированная большевиками куча в несколько сот человек стоит плотно. Они уже, вероятно, привыкли выносить резолюции полкового митинга, преподнося эти резолюции, как мнения всего полка со списочным составом в 1900, а инертная масса грызет семечки и своим безучастным молчанием санкционирует, что угодно” [там же: 105].

В целом, ритуал с формы “встреча главнокомандующего с солдатами” сменяется на привычную форму “политический революционный митинг”. Здесь имеет значение каждая деталь. Существенно меняется состав участников: приходят рабочие – “профессиональные златоусты” – с соседних заводов, многие солдаты, устав от трафаретных речей, расходятся по казармам. Остаётся ядро, причем Половцев намекает на то, что лояльность солдат большевикам оплачивается, вероятнее всего, немецкими деньгами. Таким образом, в игру вступает уже фактор материального интереса – поддержания комфорта жизнеобеспечения. Моральные обязательства и поддержание духовного комфорта (воинская солидарность, честь, патриотизм) уступают у “выдрессированной кучи” место прозаическим мотивам получения денег на каждодневный прокорм (а то и на гулянку в столице). Недавние положительные подкрепления лояльного большевикам поведения в этой группе значительно сильнее эфемерных святынь воинской солидарности и чести, если не вытеснили их полностью.

Промежуточное поражение и отказ его принять. “Казалось бы, речи о естественных стремлениях пролетариата имеют весьма мало отношения к отправке 300 пулеметов на фронт, но температура страстей на митинге все повышается. Предвидя, как неизбежное последствие, растерзание моей особы на составные части без всякой пользы для дела, и удивляясь тому, что это грустное событие еще не произошло, медленно и с достоинством удаляюсь, заявляя во всеулышание, что я пришел потолковать с солдатами пулеметного полка, а не с рабочими Выборгской стороны. Командира полка прошу по окончании митинга приехать ко мне с докладом о результатах, конечно, потеряв всякую надежду на благополучный исход словоизвержений” [там же: 105].

Итак, чувствуя, к чему идет дело, Половцев решает резко и демонстративно отказаться от принятия навязанного ему побеждающими большевиками ритуала, который можно обозначить так: “революционные солдаты не поддались на уговоры пособника капиталистов, отстояли свое оружие, не дали подпитывать им империалистическую войну”. Сильный ход Половцева в конфликте состоял в том, что он даже не пытался ввязываться в “содержательные” споры относительно нужности продолжения войны, роли “капиталистов”, целей революции и проч. Он фактически встал в рефлексивную позицию относительно самого порядка обсуждения, состава участников и легитимности

решений митинга, тем самым поставив в центр внимания не вопрос о пулеметах, а тему честности/нечестности обсуждения, соответственно, приемлемости итоговых решений. В его отсутствие большевики побеждают опять же в соответствии с указанными выше закономерностями: пользуясь монополией на предоставление слова и фокусировку внимания, опираясь на корыстные интересы (поддержания комфорта жизнеобеспечения) и актуализируя установки классовой, революционной идентичности. Однако без признания этой победы противником она не стала ни полноценной, ни устойчивой.

Реванш. *“Но когда он (командир полка. – Прим. Н. Р.) через некоторое время появляется с грустным лицом, я отказываюсь признать себя побежденным и прошу его вернуться к моему основному плану, произведя немедленное одновременное голосование по всем ротам. Большевики, вероятно, празднуют победу и ослабили надзор... Если, как я рассчитываю, большинство рот выскажутся за отправку пулеметов, необходимо сейчас же собрать полковой комитет и, предъявив письменные постановления рот, несомненно выражающие истинное желание полка, потребовать от комитета соответственного постановления. Если комитет попытается сослаться на сегодняшний митинг, то тогда надлежит заявить, что я не могу считаться с какими бы то ни было резолюциями этого митинга, так как, во-первых, присутствовали, говорили и, вероятно, голосовали лица, не принадлежащие к составу полка, а, во-вторых, подавляющее большинство солдат, по моим наблюдениям, разошлись по казармам и на митинге не присутствовали. И демократично, и хорошо, но нужно действовать быстро, а то большевики придумают контрманевр.*

Получив мои инструкции, командир начинает действовать. Перед обедом получаю сведения, что из 16 рот – 12 высказалось за отправку, 2 воздержались, а 2 высказались против. (Хорош бы я был, если бы мне пришлось лично получить отказ этих двух подлых рот). Захваченный врасплох полковой комитет не может найти зацепки в моих парламентских приемах и подчиняется постановлению большинства рот. Вечером командир летит в Оранienбаум, ночью пулеметы нагружаются, и утром все 300 укатывают на фронта. Доношу Керенскому, что приказание, полученное за № таким-то, исполнено” [там же: 106].

К сожалению, деталей обсуждений в ротах неизвестно. Весьма любопытно поведение “захваченного врасплох полкового комитета”, который искал зацепки в успешной операции Половцева (а значит, находился под сильным влиянием или даже под руководством большевиков, тем более, что в начале рассказа обозначен как “чрезвычайно гнусное учреждение”), но при этом “подчинился постановлению большинства рот”. Иными словами, названный “гнусным” комитет поступил вполне честно, признав свое поражение.

Факторы большевистского успеха. *“Митинг у пулеметчиков лишний раз показал мне, как большевики проводят свои резолюции, затягивая дело, пока благоразумное большинство солдат, утомленное многоглаголением, не разойдется по казармам, а господа, ожидающие полочки суточных из германского генерального штаба, остаются до конца и голосуют по команде. Поэтому не особенно волнуюсь, узнав, например, про возмущительные резолюции одного из самых лучших полков, Егерского, где 8 большевистских ораторов говорили почти непрерывно в течение 3-х дней” [там же: 106–107].*

Половцев признает успешность стратегий большевиков по проведению нужных им групповых решений. В данном частном случае Половцев выиграл, но при проигранном “бое” большевики, как известно, выиграли “войну”.

Захват политической власти в октябре 1917 г. и январе 1918 г., победа в Гражданской войне во многом были обусловлены выигрышами в официальных и неофициальных групповых обсуждениях: ведь все эти успехи предполагают принятие коллективных решений, убеждение людей, мобилизацию на борьбу и вооруженное насилие. Большевики наиболее эффективно использовали глубинные установки рабочих, солдатских и крестьянских масс.

Революционные солдаты Петрограда: реконструкция типового габитуса. Событийная канва рассказа Половцева не отягощена психологическими интерпретациями, но все же позволяет представить в общих чертах габитус революционных солдат

столицы – основного “горючего материала” бурных событий в России 1917 г. Главной чертой в каждом типе установок является двойственность – наличие двух конкурирующих установок, каждая из которых в разных ситуациях способна либо актуализироваться, стать доминирующей, управляющей сознанием и поведением, либо деактуализироваться, переходя в латентный статус. Для каждого типа установок эти пары выглядят примерно так (разумеется, в упрощенном виде).

Две главные объективные реалии того времени – война и революция – получали альтернативные представления в конкурирующих когнитивных установках. “Благонадежная” установка (с точки зрения военного командования и Временного правительства) состояла в приверженности победе в войне, солидарности с войсками на фронте. “Неблагонадежная” установка, активно и весьма успешно пропагандированная большевиками, заключалась в трактовке войны как ненужной, чуждой, “затеянной капиталистами”, которую надо было быстрее прекратить, либо превратить в гражданскую войну.

В экзистенциальных установках сосуществовали и конкурировали идентичности, включенные в два фрейма, оба с глубинным традиционным архетипом “мы/они” (или “свои/чужие”). С одной стороны, “мы” – это русские солдаты, ассоциирующие себя с Родиной, Россией, Православием, против “них” – опасных внешних врагов (в той ситуации – немцев, Германии), с другой стороны, “мы” – это угнетенный класс (крестьяне, рабочие), борющийся против “них” – капиталистов, которые пытаются нас опять поработить или же, испугавшись, погубить, послав на фронт.

Социальные установки как интериоризированные отношения включали конфликтующие между собой: а) подчинение формальной военной структуре, воинской дисциплине, военному начальству и авторитетам, б) включенность в неформальные и полупформальные революционные, партийные, идеологические группы со своими лидерами (большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами).

Соответственно, в ценностных установках конкурировали между собой святыни “Родины, Отечества” и синкретического смыслового комплекса, включавшего “Мировую Революцию”, “Свободу”, “Социализм”, “Фабрики – рабочим, землю – крестьянам!”, “Вся власть Советам!”, “Мир народам!”, “Царство Справедливости” и т.д.

Наконец, поведенческие установки как конечная инстанция для решений и действий, включающая арсеналы реакций, практик, стратегий, согласованных с установками вышеуказанных типов, в данном случае распались на “благонадежные” (подчиняться воинской дисциплине, приказам, призывам командиров) и “революционные” (от голосования по указке партийных лидеров до грабежей и разбоев под видом “реквизиций” [Булдаков, 2010]).

В рассмотренном случае обращает на себя внимание “статистика” победного для Половцева итогового голосования по ротам. Оказывается, в июне 1917 г. даже в полках Петрограда, находившихся под влиянием Советов, анархистов и большевиков, установки воинской солидарности и ответственности преобладали (12 рот против двух при двух воздержавшихся). Очевидно, сдвиг к радикальным антивоенным и антиправительственным настроениям стал происходить в связи с провалом военного наступления конца июня, приведшим к Июльскому кризису, а главный перелом петроградской солдатской массы в сторону большевизации (по всем пяти типам установок) случился после августовского разгрома Корниловского наступления – в сентябре-октябре 1917 г. [Рабинович, 1994; Булдаков, 2010].

Критика и уточнение гипотез. Главная сложность, оказавшаяся неучтенной в формулировках гипотез о факторах победы в конфликтных групповых обсуждениях, состоит именно в двойственности (а в общем случае – в множественности) конкурирующих между собой установок в рамках каждого типа. Судя по всему, для кризисных, революционных периодов характерна не только внешняя политическая неустойчивость, но и внутренняя ментальная неустойчивость участников: ранее доминировавшие установки размываются, новые еще не укрепились. В разных ситуациях могут актуализироваться

разные фреймы, интересы, социальные роли и обязательства, идентичности, поведенческие стереотипы.

Пожалуй, значимость фокуса внимания в ритуале, соответственно, роли ведущего, управляющего порядком обсуждения была отмечена в гипотезах верно. Однако сформулированные закономерности не схватывают внутренней динамики обсуждения, в которой многое зависит от того, насколько хорошо оратор “чувствует настроение” аудитории и насколько успешно к нему подстраивается, не упуская свои цели. Пресловутое “чувство настроения” следует интерпретировать как гибкие и эффективные попытки оратора “зацепить” нужные ему установки слушателей, его быстрый отказ от провальных попыток и муссирование успешных.

Случай с голосованием по (не)передаче пулеметов на фронт показал также разнообразие уловок, которыми пользуются лидеры и которые вряд ли вообще могут быть зафиксированы в жестких закономерностях.

Так, Половцев указывает на умелую провокацию большевистского оратора: “Все равно, согласитесь вы или нет, а пулеметы у вас отнимут”. Суть провокации в том, что оратор бил по *идентичности* и *достоинству* (важнейшему компоненту *социального комфорта*) слушающих его революционных солдат: они вообразили, что способны что-то решать, а начальство все равно сделает так, как уже решило без них. При таком повороте согласие отдать пулеметы получило бы *отрицательное подкрепление* (унижение достоинства), поэтому в той ситуации возобладал протестный настрой: “не позволим собой пренебрегать!”

Простой, но тонкий прием был использован уже на митинге во дворе, когда лидер-большевик стал выпускать одного за другим ораторов с трафаретными, наскучившими всем речами; многие солдаты, не желавшие их слушать, разбрелись по казармам, притом, что на митинге осталось надежное ядро для “правильного” голосования. В заключительном пассаже к своему рассказу Половцев указывает на типовой характер этого приема большевиков: “Поэтому не особенно волнуясь, узнав, например, про возмутительные резолюции одного из самых лучших полков, Егерского, где 8 большевистских ораторов говорили почти непрерывно в течение 3-х дней”.

Список такого рода уловок принципиально открыт, его невозможно и не нужно пытаться формализовать и включать в общие закономерности. Следует лишь указывать на факторы победы, поскольку эффективные приемы всегда действуют именно на них.

В целом, разработанный понятийный аппарат показал свою адекватность и применимость к конкретным ситуациям. Гипотезы о закономерностях далеки от того, чтобы обеспечивать полноценные научные объяснения в сфере исторической социологии, прежде всего, из-за отсутствия достаточных и достоверных сведений о ментальных характеристиках (габитусах, установках, интересах, мотивах) участников конкретных обсуждений. Вместе с тем, они позволяют, как минимум, осмысленно интерпретировать ход и результаты социального взаимодействия, а также ставить вопросы для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010.
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.
- Колоницкий Б. Красные против красных // Нева. 2010. № 11. С. 144–164.
- Никитин Б.В. Роковые годы. Новые показания участника. Париж, 1937.
- Половцев П.А. Дни затмения. Записки главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа. Москва-Берлин: Директ-Медиа, [1927] 2016.
- Рабинович А. Большевики, низы и советская власть: Петроград, февраль 1917 – июль 1918 // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 116–133.

Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

Asch S. *Social Psychology*. Prentice-Hall, 1952.

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004.

Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-face Behavior*. New York: Anchor, 1967.

Janis I. *Victims of group-think*. Houghton Mifflin, 1972.

Статья поступила: 28.08.17. Принята к печати: 15.09.17.

FACTORS OF VICTORY IN GROUP SOLUTION: AN ESSAY IN HISTORICAL MICROSOCIOLOGY

ROZOV N.S.

Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Nikolai S. ROZOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, acting holder of the Chair for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Prof., Chair of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (nrozov@gmail.com).

Acknowledgments. With the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 16-03-00318 "Revolutionary waves in the dynamics of modernization in 19th–21st centuries' societies: macro-sociological and socio-philosophical analysis".

Abstract. Group decision in a conflict is interpreted as attempts by the parties to impose their ritual on participants with appropriate attitudes and lines of behavior. The concept of interactive rituals (the tradition of E. Durkheim, W. Warner, E. Goffman and R. Collins) is enriched by the concepts of conflict interaction, habitus and attitudes, operant conditioning. The core scheme is as follows: two or more individuals are in the same physical space, perceive each other's reactions and under certain conditions (common focus of attention, synchronization of behavior and psychophysiological processes) begin to experience a common emotion and acquire a general subjective reality. On this basis they change their social relations (from solidarity to hatred) and adherence to certain sacred objects (sanctities, symbols, values). A habitus includes cognitive attitudes (frames, pictures of the world), social attitudes (the internalized relations between people), value-motivational attitudes (adherence to sacred objects and values), existential attitudes (identities), and behavioral settings (stereotypes of reactions, actions, practices, strategies). In a successful full-scale ritual, attitudes of all five types can be strengthened or destroyed, actualized or deactualized (become latent) by effects of operant conditioning (B. Skinner, G. Homans, P. Blau). A radical change of attitudes is called 'reframing'. In these terms, hypothetical regularities are formulated, whose applicability and validity is verified through a theoretical interpretation of one particular case of conflict that occurred in the summer of 1917 in Petrograd and described in the memoirs of the commander-in-chief of the Petrograd Military District troops Peter A. Polovtsev.

Keywords: microsociology, interactive rituals, attitudes, values, identities, social relations, behavioral stereotypes, group decision, operant conditioning, victory in conflict.

REFERENCES

- Aksenov V.B. (2002) *The Daily Life of Petrograd and Moscow in 1917*. Dissert. cand. of hist. sciences. Moscow. (In Russ.)
- Asch S. (1952) *Social Psychology*. Prentice-Hall.
- Buldakov V.P. (2010) *The Red Turmoil. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Collins R. (2002) *Sociology of Philosophies: the Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk: Sibirsky Chronograph. (In Russ.) English original was published in Harvard Univ. Press, 1999.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Anchor.
- Janis I. (1972) *Victims of Group-Think*. Houghton Mifflin.
- Kolonitsky B. (2010) The reds against the reds. *Neva* [Neva]. No. 11: 144–164. (In Russ.)
- Nikitin B.V. (1937) *Fatal Years. New Testimony of the Participant*. Paris. (In Russ.)
- Polovtsev P.A. (2016) *Days of Eclipse. Notes of the Commander-in-Chief of the Troops of the Petrograd Military District*. Moscow-Berlin: Direct-Media. (In Russ.)
- Rabinovich A. (1994) Bolsheviks, lower classes and Soviet power: Petrograd, February 1917 – July 1918. In: *The Anatomy of the Revolution: 1917 in Russia: the masses, parties, power*. Saint-Peterburgh: Glagol: 116–133. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Received: 28.08.17. Accepted: 15.09.17.